

КИМ ФИЛБИ

МОЯ ТАЙНАЯ ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА

Эпохальные мемуары

Ким Филби

Моя тайная война

«Яуза»

1980

УДК 355.40(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Филби К.

Моя тайная война / К. Филби — «Яуза», 1980 — (Эпохальные мемуары)

ISBN 978-5-04-182028-2

Судьба легендарного советского разведчика Кима Филби достойна экранизации. Из-за своих социалистических убеждений Филби с 1934 г. являлся агентом советской разведки, но при этом достиг больших высот в английской Секретной разведывательной службе (МИ-6). За годы Второй мировой войны Филби передал в Советский Союз более 900 важных документов, не вызывая подозрений у английской разведки. Лишь в конце 1952 г. Филби попадает под подозрение и впервые допрашивается, но остается на службе до 1955 г. В 1956 г. МИ-6 посылает Филби в Бейрут под прикрытием. В начале 1963 г. разведчик был тайно вывезен в СССР, где и проживал под фамилией Федоров, консультировал советский МИД и КГБ, выступал с лекциями. В мае 1988 г. Ким Филби скончался в Москве. Как Филби удавалось водить за нос британские МИ-6 и УСО, американские ФБР и ЦРУ? Почему до самого последнего дня на Западе ему удавалось уйти от подозрений? В своих воспоминаниях разведчик отвечает на эти вопросы и рассказывает о тонкостях агентурной работы. Сохранен издательский макет.

УДК 355.40(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-04-182028-2

© Филби К., 1980

© Яуза, 1980

Содержание

От автора	7
Пролог. На волосок от гибели	8
Глава I. Секретная служба принимает меня на работу	10
Глава II. Работа в Управлении специальных операций	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ким Филби

Моя тайная война

© Пухова-Филби Р.И., наследники, 2023

© ООО Издательство «Эксмо», 2023

© ООО Издательство «Яуза», 2023

От автора

Предлагая советскому читателю эту небольшую книгу, я считаю необходимым дать некоторые пояснения.

Насколько мне известно, каждый факт, изложенный здесь, бесспорен. Но разумный читатель поймет, что я описываю события, происходившие двадцать, тридцать или сорок лет назад, и что память подчас может подвести. Учитывая это, я проверил и перепроверил мой материал и убедился, что если и есть в нем некоторые погрешности, то лишь самые незначительные, не влияющие на ход повествования и не искажающие картины деятельности английских, американских и других разведывательных служб, с которыми у меня были самые тесные отношения. Было бы полезно, конечно, если бы я вел дневник моей деятельности, но об этом, разумеется, не могло быть и речи. Наличие такого компрометирующего материала привело бы кратчайшим путем к разоблачению, аресту и другим чрезвычайно неприятным последствиям.

К тому же, хотя эта книга строго придерживается правды, тем не менее она не претендует на всю правду. Любой, кто надеется найти здесь информацию о советской разведке, будет разочарован. Несомненно, разведывательные службы противника способны составить себе общее представление о моей деятельности как советского разведчика. Однако существует масса информации, которой они не знают, а также есть сферы, где их попытки докопаться до истины весьма сомнительны. Но не мне, советскому разведчику, снабжать противника информацией или рассеивать его мучительные сомнения, поэтому я умышленно почти не упоминаю о моей работе с советскими товарищами...

Это обидно, потому что описание моей работы в советской разведке было бы, наверное, самой интересной частью моей истории. Но до тех пор, пока идет тайная война с непримиримым противником, основные принципы нашей деятельности сохраняют свою первостепенную важность. Первый из этих принципов, грубо говоря, – держи язык за зубами! Возможно, некоторые из моих более молодых читателей в отдаленном будущем увидят в открытой публикации подробное описание работы разведывательной организации, членом которой я был, но что касается меня, то я очень сомневаюсь, что доживу до этого времени.

Жены большинства разведчиков несут бремя особого рода: они не имеют возможности ни участвовать в работе своих мужей, ни даже знать о ней.

Всем таким женам посвящается эта книга, и особенно моей жене Руфе.

Пролог. На волосок от гибели

Однажды, в самом начале своей деятельности в качестве сотрудника советской разведки, я впервые подвергся серьезной опасности и буквально чудом избежал смерти. Шел апрель 1937 года. Местом моей резиденции в то время была расположенная на юге Испании Севилья. Мое основное задание состояло в том, чтобы из первых рук собирать сведения обо всех сторонах военной деятельности фашистов. Полученную информацию я должен был по договоренности лично передавать советским друзьям во Франции или при случае – в Англии. Для срочной связи у меня были код и несколько секретных адресов за пределами Испании.

Перед выездом из Англии мне вручили инструкцию по пользованию кодом, написанную на крошечном клочке материала, напоминающего рисовую бумагу. Инструкцию я обычно хранил в кармане для часов, и вот именно этот клочок чуть было не поставил меня под дула винтовок фалангистов.

После нескольких недель, проведенных в делах и заботах в Севилье и ее окрестностях, я случайно обратил внимание на объявление о предстоящем в следующее воскресенье в Кордове бое быков. В то время линия фронта проходила в 25 милях к востоку от Кордовы, между Монторо и Андухаром, и идея взглянуть на бой быков в непосредственной близости от фронта, где я еще не побывал, оказалась слишком заманчивой. Я решил провести весь конец недели в Кордове, включив в свою программу и воскресную корриду. Я отправился в военную комендатуру Севильи – капитанию, – чтобы получить необходимый пропуск, но приветливый майор отмахнулся от меня. По его словам, для посещения Кордовы специального пропуска не требовалось. Все, что нужно сделать, – это сесть на поезд и отправиться в путь.

В пятницу я сел в утренний поезд в Севилье и оказался в одном купе с группой итальянских пехотных офицеров. Чувствуя себя, как говорится, всегда на работе, я пригласил их на обед в Кордове, но они вежливо отказались из-за отсутствия свободного времени: накануне отправки на фронт они будут слишком заняты в публичных домах.

Я снял номер в отеле «Дель Гран Капитан» и, пообедав в одиночестве, отправился на прогулку по благоухающим улицам Кордовы. Побродив в состоянии счастливой беззаботности до полуночи, я вернулся в отель и лег спать.

Мой сон был прерван оглушительным стуком в дверь. Я открыл. В комнату ввалились два человека в форме гражданской гвардии, выполнявшей функции военной жандармерии. Они приказали мне быстро собрать вещи и отправиться в комендатуру. На мой вопрос: «Зачем?» – старший из них, в чине капрала, коротко бросил: «Приказ!»

В те дни я спал очень крепко. Не в мою пользу было и то, что я стоял в пижаме перед двумя гвардейцами в тяжелых башмаках и вооруженных винтовками и револьверами. Я еще не проснулся до конца и был растерян, так что мой мозг работал отнюдь не со скоростью света. Меня сверлила одна мысль: как избавиться от предательской бумажки в кармане брюк? Подумал о ванной комнате, но мой номер был без ванны. Пока я одевался и собирал вещи, гвардейцы перерыли мою постель. Может, удастся как-нибудь освободиться от этого клочка бумаги по дороге из отеля в комендатуру?

Когда мы вышли на улицу, я убедился, что сделать это нелегко. У меня была лишь одна свободная рука, в другой я нес чемодан. Позади твердо шагали, по всей видимости, хорошо вымуштрованные конвоиры, которые следили за мной, как ястребы. Так что, когда меня ввели в здание комендатуры, компрометирующая бумажка все еще находилась при мне. Помещение было освещено одной лампой без абажура, бросающей яркий свет на большой полированный стол. Я предстал перед низкорослым, уже немолодым, лысым и угрюмым майором гражданской гвардии. Не поднимая глаз от стола, он рассеянно выслушал рапорт конвоировавшего меня капрала.

После тщательной проверки моего паспорта майор спросил: «Где ваше разрешение на въезд в Кордову?» Я повторил ему то, что мне сказали в севильской капитании, но он не принял моих слов во внимание. «Неправда, – заявил он тоном, не терпящим возражений. – Всем известно, что для приезда в Кордову требуется особое разрешение». Что привело меня в Кордову? Желание посмотреть бой быков? Где же мой билет? Ах, у меня его нет? Я только что приехал и собирался купить билет утром? «Правдоподобная» история! И так далее. По мере нарастания скептицизма в словах майора я все больше убеждался, что майор – ярый англофоб. В те дни было много англофобов по обе стороны фронта в Испании. Мой мозг заработал с лихорадочной быстротой в поисках выхода из создавшегося положения.

Майор и два арестовавших меня гвардейца с подозрительностью приступили к осмотру моего чемодана, но прежде они поразили меня неожиданной деликатностью, надев перчатки. Содержимое чемодана тщательно просматривалось, прощупывалось пальцами и разглядывалось на свет. Не найдя ничего предосудительного в моем нижнем белье, они стали тщательно замерять наружные и внутренние размеры чемодана, простукивая его поверхность. Когда «невинность» содержимого чемодана оказалась вне всяких сомнений, гвардейцы даже вздохнули. У меня появилась надежда, что это конец моих испытаний и что мне теперь прикажут с первым же поездом убраться из города, но этого не случилось.

«А теперь, – неприятным тоном сказал майор, – как насчет вас?» И предложил мне вывернуть карманы. Нужно было действовать немедленно. Я быстро вытащил свой бумажник и резким движением швырнул его на полированный стол. Бумажник, закрутившись, полетел в дальний угол стола. Как я и предполагал, все трое бросились за бумажником, стараясь дотянуться до него через стол. В тот момент, когда передо мной торчали три пары ягодиц, я выхватил из кармана брюк злополучный клочок бумаги, смял его и быстро проглотил. Теперь с легким сердцем я выворачивал все карманы. Майор не стал подвергать меня неприятной процедуре телесного осмотра. Вместо этого он прочел мне сухую короткую лекцию о коммунистах, заправляющих в английском правительстве, и приказал убраться из Кордовы на следующий же день.

Утром, когда я расплачивался за номер в отеле, из дальнего угла холла появились оба моих «приятеля» из гражданской гвардии и попросили подвезти их до станции на заказанном мною такси. Садясь в поезд, идущий в Севилью, я подарил им пачку английских сигарет, и они радостно замахали вслед уходящему составу.

Это не был героический эпизод. Если бы даже инструкцию по пользованию кодом обнаружили, мой английский паспорт, вероятно, спас бы меня от смертного приговора. Однако в будущем у меня будет немало возможностей убедиться в том, что операции, связанные с настоящим риском, не всегда влекут за собой наибольшую опасность, так как можно заблаговременно определить действительную степень риска и принять соответствующие меры предосторожности. А вот незначительные случаи, подобные только что описанному, часто подвергают человека смертельной опасности.

Глава I. Секретная служба принимает меня на работу

Насколько мне помнится, впервые я установил контакт с английской секретной службой летом 1940 года. Это дело интересовало меня в течение ряда лет. Еще в нацистской Германии и позже в Испании, где я работал корреспондентом «Таймс» при вооруженных силах генерала Франко, я питал некоторую надежду на то, что ко мне постараются «подобрать ключи». Я был уверен, что сразу узнаю «своего» человека, как только он начнет осторожно зондировать меня. Он представлялся мне худощавым, загорелым, конечно, с подстриженными усами, немногословным и, вероятно, ограниченным. Он, конечно, предложит мне работать во имя родины и сурово нахмурится при упоминании об оплате. Но увы! Ничего подобного не произошло. Единственным офицером разведки, который проявил ко мне какой-то интерес в Испании, был немец, некий майор фон дер Остен, он же дон Хулио. Он погиб в начале Второй мировой войны в автомобильной катастрофе в Нью-Йорке. Дон Хулио обычно привозил меня в помещение абвера в Конвенто де лас Эсклаvas в Бургосе и давал пояснения по большим картам, висевшим на стене и утыканным обычными цветными булавками. Целый год он время от времени угощал меня обедами и вином, и контакт казался полезным. Однако в конечном счете выяснилось, что он интересовался мной лишь с одной целью – чтобы я представил его знакомой мне даме. Когда я оказал ему эту услугу, майор сразу же предложил ей работать на немецкую разведку и выполнять обязанности иного рода. Дама с возмущением отвергла его по всем статьям, и он отдалился от меня.

Когда разразилась Вторая мировая война, «Таймс» направила меня в Аррас своим корреспондентом, аккредитованным при штабе британской армии. К июню 1940 года я вернулся в Англию, будучи дважды эвакуирован – из Булони и Бреста. В Лондоне я написал для «Таймс» две-три статьи, в которых подвел итоги кампании и указал на ее различные моральные аспекты. Не помню, что я тогда писал. Прочитав недавно едкие замечания об этой кампании в мемуарах Лиддела Гарта, я испытал лишь чувство облегчения за провал в памяти. Должно быть, я написал ужасную чепуху. Итак, к концу июня я оказался без дела. «Таймс» не проявляла намерения ни отделаться от меня, ни перегружать работой. Таким образом, я располагал свободным временем, чтобы спланировать свое будущее. Главное, нужно было определить ту основу, на которой его следовало строить.

Я решил покинуть «Таймс», хотя ко мне там всегда хорошо относились. Но полевая армейская цензура убила во мне всякий интерес к военной корреспонденции. Попытайтесь написать сообщение с фронта, не упомянув ни названий населенных пунктов, ни номера части, и вы поймете, что я имею в виду. Позже английская военная цензура стала более либеральной, но в период «странной войны» тупые ограничения цензуры сравнивались (не в ее пользу) с практикой цензоров генерала Франко, подвергшейся в свое время резкой критике.

Однако, решив покинуть «Таймс», я не должен был забывать, что приближается срок моего призыва в армию. У меня не было никакого желания полностью потерять контроль над своей судьбой, и поэтому я с возрастающим беспокойством колдовал над тем «железом», которое ковал для себя, стараясь его не перекалить. У меня состоялась одна многообещающая встреча с Фрэнком Берчем, которую организовал наш общий друг. Берч был ведущей фигурой в Правительственной школе кодов и шифров (ПТТТКТТТ) – криптографическом учреждении, которое занималось раскрытием кодов противника (и друзей). Однако Берч в конце концов отверг меня на том издевательском основании, что не может предложить мне жалованье, достойное моего труда. Огорченный, я отправился в Холлоуэй на медицинский осмотр.

Через несколько дней меня вызвал к себе в кабинет редактор иностранного отдела «Таймс» Ральф Дикин. Он вытаращил на меня глаза, надул щеки и наморщил лоб, что обычно делал, когда бывал расстроен. Некий капитан Лесли Шеридан из Военного министерства

позвонил ему и спросил, свободен ли я для военной работы. Шеридан не произвел впечатления на Дикина, хотя и представился как журналист, поскольку в прошлом был связан с «Дейли миррор». Короче говоря, Дикин не хотел участвовать в этом деле и убеждал меня отказаться. К сожалению, мне пришлось его разочаровать. Я никогда не слышал о Шеридане, но решил ковать железо, пока горячо. И я немедленно откликнулся на запрос.

Вскоре на внешнем дворе гостиницы «Сент Эрмин», вблизи станции «Сент-Джеймс-парк», у меня состоялась встреча с госпожой Марджори Мэкси. Это была очень приятная пожилая дама. Я не имел никакого представления – да и до сих пор не имею, – какое именно положение она занимала в государственной системе. Но госпожа Мэкси говорила авторитетно и, очевидно, имела право, по крайней мере, рекомендовать меня на «интересную» работу. В начале нашей беседы она затронула вопрос о возможности политической работы против немцев в Европе. В течение десяти лет я серьезно интересовался международной политикой, объездил многие страны Европы, у меня уже сложились более или менее зрелые представления о подрывной деятельности нацистского режима, поэтому я был достаточно хорошо подготовлен для беседы с госпожой Мэкси на эту тему. Кстати, в тот период в Англии лишь очень немногие серьезно задумывались над этим вопросом, так что и представления самой госпожи Мэкси были далеко не ясными.

Я выдержал первый экзамен. Госпожа Мэкси попросила меня встретиться с ней еще раз на том же самом месте через несколько дней. На вторую встречу она явилась в сопровождении Гая Бёрджесса, которого я хорошо знал. Мне опять устроили испытание. Вдохновленный присутствием Гая, я старался показать себя в выгодном свете, бесцеремонно бросаясь именами, как будто давал интервью. Мои собеседники время от времени обменивались взглядами. Гай важно и одобрительно покачивал головой. Оказалось, что я попусту тратил время, поскольку решение уже было принято. При прощании госпожа Мэкси сказала, что в случае моего согласия я должен порвать связи с «Таймс» и прибыть в распоряжение Гая Бёрджесса на Кэкс-тон-стрит, в том же квартале, что и гостиница «Сент Эрмин».

«Таймс» не доставила мне хлопот. Дикин надулся, повздыхал немного, но он не мог предложить мне ничего интересного. Итак, я без фанфар покинул Принтинг-Хаус-сквер. Мне казалось, меня ждала новая секретная и важная карьера. Я решил, что мой долг – воспользоваться опытом единственного знакомого мне сотрудника секретной службы. Поэтому я весь уик-энд веселился с Гаем Бёрджессом. В следующий понедельник я официально доложил ему о прибытии на службу.

Учреждение, с которым я связал себя, называлось Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС). Оно широко известно также под названием МИ-6, хотя непосвященная публика называет его просто секретной службой. Я удивился, с какой легкостью меня приняли на службу. Позже выяснилось, что единственным запросом о моем прошлом была обычная проверка в МИ-5 (контрразведке), где проверили мою фамилию по учетным данным и дали лаконичное заключение: «Ничего компрометирующего не имеется». Теперь каждый новый скандал со шпионами в Англии порождает поток рассуждений о «позитивной проверке»¹. Но тогда, в счастливом эдеме, о «позитивной проверке» и не слышали. В первые недели мне даже казалось, что я, может, вовсе и не туда попал, что где-то есть другая служба², скрытая в тени, действительно секретная и действительно могущественная, способная на такие закулисные махинации, которые оправдывают вечную подозрительность, например, французов. Скоро, однако, стало ясно, что такой организации не существует. Это было концом иллюзий, но их утрата не причинила мне боли.

¹ Подробное исследование всех материалов, относящихся к прошлому проверяемого и связанных с ним лиц. – *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

² На эту мысль навел меня коллега из Москвы. Мои первые сообщения заставили его серьезно подумать, что я попал в какую-то другую организацию.

Сначала Гай повел меня в предназначавшийся мне кабинет. Это была маленькая комната со столом, креслом и телефоном. Раздраженно фыркнув, Гай вышел в коридор и вскоре вернулся с пачкой бумаги, которую положил на стол. Удовлетворенный тем, что я теперь полностью вооружен для выполнения своих обязанностей, он сообщил, что мое жалованье будет таким же, как и у него, – 600 фунтов стерлингов в год. Деньги выплачиваются наличными ежемесячно и без вздорных притязаний со стороны налогового управления. Нечего совать нос в каждый секретный шиллинг! Фактически же за секретностью жалования скрывалось грубое неравенство. Каждый контакт между начальником и подчиненным теоретически являлся частным, секретным договором, и если начальник мог заполучить работника А дешевле, чем Б, то, каковы бы ни были их достоинства, начальник поступил бы глупо, не сделав этого. Однако меня вполне устраивали предложенные условия, и вскоре меня представили некоторым моим будущим коллегам.

Подразделение СИС, куда я попал, было известно под названием секции «Д» (диверсии). Я никогда не видел ее устава, если он вообще существовал. Из разговоров с коллегами я понял, что задача секции – содействовать поражению противника путем организации активного сопротивления и путем уничтожения невоенными средствами источников его мощи. Начальником секции был полковник Лоуренс Гранд. Меня представили ему через несколько дней после зачисления в штат. Высокий и худой, он поразительно напоминал человека, которого я рисовал в своем воображении, находясь в Германии или Испании. Разница заключалась в том, что его никак нельзя было назвать человеком ограниченного ума. Он свободно и быстро ориентировался во всех вопросах, входивших в круг его страшных обязанностей, и никогда не пасовал перед идеей, какой бы значительной и даже дикой она ни казалась.

В то время много внимания уделяли идее взрыва Железных ворот на Дунае с целью прервать поставку немцам румынской нефти. Мне приходилось видеть Железные ворота, поэтому меня поражало то хладнокровие, с каким мои коллеги говорили о взрыве ворот, словно речь шла о разрушении шлюзовых ворот на Риджентс-кэнэл. Такая акция никак не соответствовала скудным ресурсам секции «Д» в 1940 году. И когда эту попытку все же предприняли, югославская полиция сразу раскрыла и уничтожила ее в самом зародыше, поставив английское правительство в неловкое положение.

Таким же несоответствием между целями и средствами отличались предложения нарушить снабжение немцев нефтью путем «вывода из строя бакинских нефтяных промыслов». Впоследствии мне довелось увидеть бакинские нефтяные промыслы, и меня позабавила мысль о том, как бы англичане приступили к выполнению такого задания, допустим, начав действовать с базы в Каире. Даже в 1940 году я считал бы такие разговоры пустой фантазией, если бы лично не присутствовал на пресс-конференции в Аррасе, которую созвал генерал Паунелл, бывший в то время начальником штаба у лорда Горта. Генерал Паунелл тогда заявил, что, учитывая мощь линии Зигфрида, лучшие перспективы может открыть удар через Кавказ³. В случае успеха такой удар взломает «слабую восточную систему обороны Германии» и откроет путь англо-французскому наступлению.

У полковника Гранда никогда не было средств для осуществления своих идей, хотя их щедро предоставляли его преемникам. Его лондонский штат легко мог разместиться в большой гостиной. Так оно и бывало, когда мы регулярно собирались по воскресеньям на его загородной вилле, где неиссякаемыми темами для дискуссий были планы, планы и планы. В разведке Гранду доставались чуть ли не одни объедки. Старейшие и более прочно обосновавшиеся подразделения разведки с неодобрением встречали попытки добиться большего куска от «секретного» пирога. Исходя из обоснованной предпосылки, что саботаж и подрывная деятельность

³ Речь идет о планах нападения на Советский Союз, которые вынашивали в то время правящие круги Великобритании под лицемерным предлогом нанесения удара по Германии с востока.

сами по себе небезопасны (виновников взрывов нетрудно установить), работники разведки с удовольствием спешили сделать необоснованный вывод: взрывы – это, мол, напрасная трата времени и денег, так пусть лучше все средства идут на «тихий» шпионаж. Поэтому требования Гранда к казначейству и вооруженным силам нередко замораживались в самой разведывательной службе. В лучшем случае Гранду оказывалась прохладная поддержка.

По части политической диверсии возникали еще большие трудности, потому что здесь затрагивались основные аспекты британской политики. Английское правительство привыкло поддерживать монархов и олигархов в Европе и было настроено против любых форм подрывной деятельности. Единственно, кто мог оказывать Гитлеру какое-то сопротивление, были представители левого движения – крестьянские партии, социал-демократы и коммунисты. Только они были способны, рискуя жизнью, бороться против оккупантов. Но было маловероятно, чтобы они стали стараться ради английского правительства, упорно продолжавшего заигрывать с королями, каролями и принцами павлами, которые систематически преследовали всех левых в период между войнами.

Таким образом, в Англии идеологи подрывной деятельности начали свою работу в условиях серьезных препятствий, воздвигаемых Министерством иностранных дел, которые слишком поздно поняли, что, каков бы ни был исход войны, солнце их любимых марионеток закатилось навсегда. Неудивительно поэтому, что в самый решительный момент движения Сопротивления стали тяготеть к Советскому Союзу и что сбалансировать влияние СССР во Франции, Италии и Греции удалось только присутствием многочисленных англо-американских вооруженных сил.

В целях конспирации и для удобства всем офицерам СИС давались условные обозначения, которые применялись в корреспонденции и при разговорах. Гранд, естественно, обозначался буквой «Д». Начальники подсекций были известны как «ДА», «ДБ» и т. д., а их помощникам добавлялись цифры, например «ДА-1». Гай имел обозначение «ДУ». По установленному порядку я должен был бы обозначаться как «ДУ-1», но Гай деликатно объяснил, что условное обозначение «ДУ-1» подразумевает определенную подчиненность ему, а он хочет, чтобы нас считали равноправными. Гай разрешил эту дилемму: вместо цифры к моему обозначению он прибавил букву «Д». Так передо мной открылась карьера работника секретной службы, условно обозначенного «ДУД»⁴.

Подсекция «ДУ» не была идеальным отправным пунктом для моей карьеры. Мне хотелось найти в службе свое собственное место, а для этого прежде всего необходимо было выяснить, как она организована и чем занимается. Гай же превратил свою подсекцию в своего рода фабрику идей. Он считал себя колесом, которое, вращаясь, высекает идеи, словно искры. Куда падали эти искры, его, по-видимому, не интересовало. Он проводил массу времени в кабинетах других сотрудников, где предлагал свои идеи. Когда он воодушевлялся, в коридоре то и дело раздавался его смех. После трудового утра, заполненного разговорами, Гай обычно врвался ко мне в кабинет и предлагал выпить.

Однажды в июле Гай вошел ко мне, против обыкновения, с какими-то бумагами. Это были страницы написанной им докладной записки. Гранд в основном одобрил ее содержание, но предложил глубже изучить и подработать вопрос. Для этого Гаю и понадобилась моя помощь. Я страшно обрадовался. По долгому опыту я знал, что «помогать» Гаю – значило освободить его от всякой работы. Но поскольку я целых две недели буквально ничего не делал, я был рад любой работе. Я взял документы, а Гай уселся на край моего стола, стараясь уловить на моем лице признаки одобрения.

Это была характерная для него продукция – масса здравого смысла, затерянного в цветистых оборотах и сомнительных цитатах. (Гай располагал цитатами чуть ли не на каждый случай

⁴ Английское слово «dud» означает «неудачник». – Примеч. перев.

жизни, но никогда не утруждал себя их выверкой.) Он предлагал создать школу для обучения агентов методам подпольной работы. Предложение поражало не тем, что его внесли, а тем, что до сих пор его никто не сделал. Школы такого рода еще не существовало. Гай доказывал необходимость этого дела, общепризнанного теперь, но нового в то время. Он наметил программу обучения. В заключение Гай предлагал назвать школу колледжем Гая Фокса в память о неудачливом заговорщике, «планы которого раскрыла бдительная елизаветинская СИС». Не мог же он предложить название – «Колледж Гая Бёрджесса»!

Наконец-то у меня появилось какое-то дело. Я разбил вопрос на составные части: программа, отбор слушателей, конспирация, размещение и т. д. – и по каждой подготовил докладные записки. Засыпав меня своими предложениями, Гай, казалось, потерял всякий интерес к последней вспышке своих идей, но это было не так. Он знал, что Гранд прочитал мои документы и создал комиссии для их обсуждения. Меня лично и тогда, и позже не привлекала работа в комиссиях. В каждой комиссии обычно есть свое пугало. Моим пугалом в комиссии по вопросам обучения стал некий полковник Чидсон. Он сыграл большую роль в спасении от Гитлера значительного количества промышленных алмазов в Голландии, но для меня он был просто надоедливый человек. Ему чудилось, что Европу охватывает анархия, и он отчаянно сопротивлялся идее позволить массе головорезов свободно расхаживать по континенту. Однажды я увидел его идущим мне навстречу по Лоуэр-Риджентс-стрит. Минутой позже он тоже заметил меня и застыл на месте. Затем быстро поднял воротник и нырнул в переулок. Необходимость нашей школы стала очевидной.

В то время Гай неизменно повторял: «Надо, чтобы за эту идею ухватились». В какой-то степени это удалось. Вскоре я, к своему удивлению, узнал, что для использования в учебных целях уже приобрели Брикен-донбери-холл, бывшее школьное здание, расположенное на просторном участке неподалеку от Хартфорда. Меня представили капитану 3-го ранга Питерсу, которого назначили начальником школы. Он часто приглашал нас с Гаем на обед в «Хангерию», чтобы послушать, что мы думаем о новом деле. У него были мечтательные голубые глаза и очаровательная мягкая улыбка. Несмотря на резкое различие характеров, он сильно привязался к Гаю, который бесцеремонно таскал у него со стола сигареты. К сожалению, его сотрудничество с нами оказалось недолгим. Впоследствии его посмертно наградили крестом Виктории, вероятно, за ненужную храбрость, проявленную в Оранской гавани. Услышав о его награждении, я взгрустнул при мысли, что Питерс никогда об этом не узнает. Он был человеком сентиментального склада и заплакал бы от такой чести. Наши слушатели обожали его.

Среди преподавательского состава были разные люди. Был весельчак Джордж Хилл⁵ – автор книг о своих таинственных приключениях в Советской России, один из немногих оставшихся в живых англичан, которые действительно засыпали «песок в буксы». С большим брюшком, Хилл скорее походил на опереточного короля с лысой макушкой вместо короны. Позже его назначили руководителем миссии Управления специальных операций⁶ в Москве. Мои друзья в СССР приняли это с восторгом: они знали о Хилле все.

Был еще специалист по взрывчатым веществам – Кларк. Он отличался неумным чувством юмора. Когда однажды его попросили организовать показ своих методов для начальника чешской военной разведки и его аппарата, Кларк расставил мины-ловушки в рощице, через которую шла дорога на полигон. Кларк предполагал, что чехи пойдут через рощу гуськом. Они же, напротив, пошли шеренгой, и офицеры, шедшие по краям, перенесли тяжелое потрясение. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал.

⁵ Сотрудничал с Брюсом Локкартом, одним из английских тайных агентов в России после революции 1917 года, а также был другом Сиднея Рейли. Во время Второй мировой войны занимал высокий пост в УСО (Управление специальных операций) и был послан Черчиллем в Москву в качестве представителя УСО/СИС.

⁶ Управление специальных операций было создано по распоряжению Черчилля в 1940 году и руководило всеми тайными действиями против стран оси, особенно саботажем и диверсиями.

Был также меланхоличный чех. Его рекомендовали как печатника, работавшего в подпольной типографии в Праге. Это был бледный приземистый толстяк.

Другой печальной фигурой был австрийский социал-демократ Вернер. Его готовили на роль руководителя слушателей-австрийцев, которых мы могли получить, однако такие слушатели не появились. Вернер говорил только по-немецки, и мне приходилось тратить немало времени, чтобы все ему объяснить. В конце концов он подал в отставку и получил другое назначение. Подводную лодку, перевозившую его в Египет, потопили в Средиземном море пикирующие бомбардировщики.

Выдающейся личностью среди нас был, несомненно, Томми Харрис, известный торговец произведениями искусства. Его взяли по предложению Гая в качестве своего рода домоправителя и главным образом потому, что Харрис и его супруга были вдохновенными кулинарами. Он оказался единственным среди нас человеком, который в первые же недели установил тесный личный контакт со слушателями. Работа в школе была совершенно недостойной Харриса, необразованного, но обладавшего блестящим природным умом. Томми вскоре переманила МИ-5, где он стал впоследствии инициатором и руководителем одной из самых изобретательных разведывательных операций того времени. Для меня, как увидим, дни, проведенные в Брикендонбери, были беспросветным мраком. Их скрашивала лишь зародившаяся и высоко ценимая дружба с Томми Харрисом.

Слушателей оказалось у нас мало – две небольшие группки бельгийцев и норвежцев и довольно большая группа испанцев. В целом их насчитывалось около 25 человек. Возможно, они и получили что-то полезное в Брикендонбери, хотя я в этом сомневаюсь. Мы не имели представления о задачах, которые им предстояло выполнять, и ни Гаю, ни мне не удалось добыть необходимых сведений у руководства в Лондоне. Иначе говоря, нам почти нечем было заниматься, и мы только и делали, что беседовали с Питерсом да помогали ему составлять докладные записки для руководства, которые редко удостоивались ответа. Было ясно одно: мы мало чему могли научить испанцев, большинство которых были подрывниками из Астурии (в прошлом шахтеры). «Все инструкторы похожи друг на друга, – сказал как-то один испанец, парень лет восемнадцати. – Они говорят нам, сколько надо отрезать бикфордова шнура, мы же для безопасности увеличиваем длину вдвое. Вот почему мы пока еще живы».

Англичане могли бы извлечь полезный урок из области конспирации, если бы разбирались в ее правилах. Это выявилось только через несколько лет. Поскольку предполагалось, что мы имеем дело с агентами, которые будут засылаться на территорию противника, где их, весьма вероятно, могут схватить, было решено подлинные имена и фамилии офицеров из преподавательского состава скрыть под кличками. Питерс стал Торнли, Хилл – Дейлом и так далее. Гай, дав волю своему мальчишескому воображению, за моей спиной убедил Питерса навязать мне такую неприличную кличку, что я даже не решаюсь ее назвать. Единственное исключение составил Томми Харрис, которому, по непонятным мне причинам, разрешили оставить его собственное имя.

Как-то после войны Томми случайно встретил руководителя нашей бельгийской группы, человека неприятного, постоянно кичившегося своим аристократическим происхождением. Томми зашел с ним выпить чаю. Вспоминая Брикендонбери, бельгиец заметил, что слушатели раскрыли все наши клички, за исключением одной. Томми проверил его и выяснил, что тот действительно знает все наши имена. Он спросил тогда, кто же составил исключение. «Речь идет о вас», – ответил бельгиец.

Скоро с этих страниц на время исчезнет имя Гая Бёрджесса, поэтому мне, надеюсь, простят, если я расскажу о пристрастии Гая к невинным проделкам. Однажды летним вечером Питерс лежал в постели с острым приступом экземы. Чтобы скрыть ее, он отращивал бороду. Около его кровати сидел, потягивая из рюмки портвейн, приезжий инструктор, назвавший себя Хэзлиттом. Внезапно из сада раздался крик, а за ним послышались разноязыкие возгласы. В

дом ввалились слушатели. Каждый из них утверждал, что видел кто троих, кто десятерых и даже более парашютистов, выбросившихся поблизости. Услышав это сообщение, Питерс приказал бельгийцам надеть форму и установить пулеметы в окнах. Это обеспечивало хороший сектор обстрела через школьные спортивные площадки. Не знаю, что случилось бы, если бы противник вошел через парадную дверь. «Раз немцы высадились, – сказал Питерс Хэзлитту, – придется встать».

Потом он допустил роковую ошибку, приказав Гаю установить точные данные о происшествии и сообщить о результатах дежурному офицеру в Лондон. Гай приступил к делу с напускной добросовестностью. Я слышал урывками его доклад по телефону. «Нет, мне нечего добавить к тому, что я сказал... Не хотите же вы, чтобы я фальсифицировал показания, не правда ли? Повторить?... В районе Хартфорда видели спускающиеся парашюты в количестве от восьмидесяти до нуля... Нет, я не могу определить достоверности сообщений разных свидетелей. От восьмидесяти до нуля. Вы поняли? Я позвоню вам еще раз, если понадобится. До свидания». Торжествуя, Гай пошел докладывать. «Не знаю, что я смогу сделать, если поднимусь, – сказал Питерс, – но я, конечно, должен взять командование на себя».

Прошел час или два, но больше ничего не случилось. Бельгийцы печально разобрали свои «лыюисы», и мы пошли спать. Все следующее утро Гай висел на телефоне, распространяя веселые новости. Оказывается, дежурный офицер поднял своего начальника, а тот связался с Военным министерством. Восточный военный округ был поднят на ноги, и на рассвете его бронечасты заняли позиции по боевому расписанию. Гай высказал ряд предположений относительно того, во что все это обошлось. Следует заметить, что цифру «ноль» назвал ему накануне вечером я, цифра же «восемьдесят» исходила, по-видимому, от самого Гая. Мы оба ошиблись. Сбросили всего один парашют. Прикрепленный к мине, он безобидно повис на дереве, и мина не взорвалась. Быстро летели летние дни, а каких-либо четких директив из Лондона не поступало. Капитан 3-го ранга все больше мрачнел и стал еще более неразговорчивым и скрытным. Сначала я думал, что его беспокоит экзема, но потом до меня стали доходить слухи о переменах, о которых официально нам так и не объявили. А произошло вот что. Секцию «Д» выделили из СИС и реорганизовали, передав в ведение министра по вопросам экономической войны доктора Дальтона. Гранд ушел, его место занял Фрэнк Нельсон, бизнесмен, лишенный чувства юмора, чьи способности мне так и не представилось возможности оценить. После посещения Брикендонбери Колином Габбинсом⁷ и группой свежесброшенных офицеров, которые лаяли друг на друга и на нас, Питерс впал в глубокую депрессию. Мы не удивились, когда однажды утром он вызвал Гая и меня и сообщил, что провел весь прошлый вечер за составлением рапорта об отставке. Он говорил это с печалью в голосе, как бы сознавая свое поражение и проявленное к нему невнимание. Затем, воспрянув духом, он заговорил увереннее, и впервые за многие дни его лицо озарила очаровательная улыбка. Он был явно счастлив вернуться к своим суденышкам после короткого крещения политическим огнем. Отставку Питерса приняли без осложнений. Мы начали равнодушно расформировывать наше заведение. Шаги, предпринятые в целях конспирации, сохранились в моей памяти смутно. Мы должны были запрятать наших слушателей куда-нибудь подальше для использования в будущем. Позже я узнал, что кроме Вернера по меньшей мере еще двое из них погибли. Одного милого ради-ста-норвежца немцы поймали и расстреляли сразу же после его возвращения в Норвегию. Другого, лучшего слушателя из бельгийской группы, сбросили на парашюте в Бельгии. Парашют зацепился за шасси самолета, и на огромной скорости бельгиец потерял сознание и задохнулся.

Томми Харрис покинул нас, глубоко возмущенный. Вскоре он нашел свое настоящее место и стал ценным сотрудником в МИ-5. Мы с Гаем прибыли в новый центр Управления специальных операций на Бейкер-стрит, 64. Позже он стал известен (или печально известен, в

⁷ В 1939 году был помощником начальника разведывательного управления Военного министерства.

зависимости от точки зрения) просто как Бейкер-стрит. В связи с новыми задачами появилось много новых лиц. Людей набирали среди банкиров, юристов и крупных бизнесменов. Угнетающе ощущалось отсутствие прежних коллег. Нельсон проводил чистку весьма тщательно. Ему охотно помогали некоторые старшие сотрудники СИС, особенно Клод Дэнси и Дэвид Бойл, о которых речь пойдет позже. Они были полны решимости «изжить» не только Гранда, но и всех его ближайших соратников.

Чистка подошла вплотную и ко мне, но на мне и прекратилась. Навестив меня однажды вечером, Гай был необычно молчалив. В конце концов выяснилось, что он пал «жертвой бюрократической интриги». Его уволили. Естественно было предположить, что мои собственные дни, а может, и часы тоже сочтены, и Гай, очевидно, ожидал меня в товарищи по несчастью. Но на следующий месяц и месяц спустя я по-прежнему получал конверты с жалованьем. Управление специальных операций, видимо, во мне нуждалось, а возможно, я был слишком незначительной фигурой, чтобы почтить меня увольнением. Гай не унывал. Он вскоре нашел желанное убежище в Министерстве информации и даже начал с презрением поговаривать о моей затянувшейся связи с «выгребной ямой»⁸.

⁸ Начальные буквы английского выражения «Slop and offal», означавшего «выгребная яма», совпадают с начальными буквами английского названия УСО – Special Operations. – *Примеч. перев.*

Глава II. Работа в Управлении специальных операций

Провал нашего первого учебного заведения подействовал на меня угнетающе, но это принесло мне известную выгоду, поскольку я вернулся в Лондон, где почувствовал себя, по крайней мере, ближе к коридорам власти и источникам больших решений. Практически же непосредственной пользы от этого мне было мало. У меня не оказалось никаких конкретных обязанностей, и потому я не мог претендовать на рабочее место. Я слонялся по учреждению на Бейкер-стрит, стараясь запомнить новые лица и сколько-нибудь связно представить себе организационную структуру УСО. Это было самой трудной задачей в то время. Все казались очень занятыми, даже если только передвигали мебель. В обстановке столь бурной деятельности меня тяготило безделье. Такая ситуация напоминала мне прием с коктейлем, где все друг друга знают, а ты – никого.

В то время это казалось неправдоподобным, но фактически я был свидетелем родовых мук будущей внушительной организации. И если я описал первые дни ее существования так, как воспринимал все это тогда, в несколько легкомысленном стиле, то, по-видимому, такой стиль объясним. В период между войнами разведывательная служба пользовалась мифическим престижем, однако этот миф не имел реального основания. К такому заявлению многие могут отнестись с недоверием, тем более что на этот счет не опубликовано никаких материалов. Но разве это более невероятно, чем известный случай, когда британский флот, тоже пользовавшийся престижем, будучи послан в Александрию, чтобы отпугнуть Муссолини от Абиссинии, оказался не в состоянии что-либо сделать, потому что не имел снарядов? А правда заключалась в том, что секретная служба, так же как и вооруженные силы Англии, потихоньку увядала. Помимо финансовых проблем мало внимания уделялось укомплектованию службы и ее организации. Если в армии задавали тон офицеры, которые спустя двадцать с лишним лет после сражения при Камбре⁹ все еще считали конницу главной ударной силой, то в секретной службе (лишь потому, что ее начальником был адмирал) оказалось полно людей, просто-напросто не нужных флоту. Нельзя особенно осуждать за это адмирала Синклера¹⁰, так как, вынужденный рассчитывать только на свои весьма скромные ресурсы, он, естественно, подбирал подчиненных из тех кругов, которые знал лучше.

Что касается системы и организации, то их фактически не было. Когда под влиянием страхов, навеянных «пятой колонной» в Испании, понимание потенциального значения тайных операций начало проникать и в так называемую британскую военную мысль, результатом явилась лишь жалкая импровизация. Скептически настроенной СИС была придана секция «Д», в задачу которой входило планировать шумные акты отчаянной храбрости. В то же время тема «черной пропаганды»¹¹ стала игрушкой в руках ряда смежных государственных организаций, которые метались в потемках, мешая друг другу. Неудивительно поэтому, что в первые годы войны результаты были минимальными. Дабы не подумали, что я преувеличиваю, приведу выдержку из книги полковника Бикэма Суит-Эскота, одного из самых способных и восприимчивых офицеров, прослужившего в УСО всю войну:

«Перечень наших достижений (летом 1940 года) был невнушительным. На нашем счету было всего лишь несколько успешных операций. Была у нас даже некоторая, с позволения сказать, организация на Балканах, но даже там нам не удалось достичь чего-либо выдающегося... Попытки подрывных действий на Балканах вызывали лишь раздражение у нашего Министерства иностранных дел. Что касается Западной Европы, то, в силу ряда объективных причин,

⁹ В сражении при Камбре 20–30 ноября 1917 года впервые в истории в массовом количестве были применены танки.

¹⁰ Начальник разведки ВМС до 1921 года. Начальник СИС с 1936 года и до своей смерти в ноябре 1939 года.

¹¹ Подпольная, или подрывная, пропаганда.

наши успехи были просто плачевными, так как между Балканами и Ла-Маншем мы не имели ни одного агента. Странно, но факт».

Таков был фон, на котором происходили перемены, описанные в предыдущей главе. Впрочем, это была лишь малая частица обширной программы реформ. В июле 1940 года Черчилль предложил министру экономической войны доктору Дальтону взять на себя ответственность за все тайные операции против врага. Реализуя это поручение, Дальтон создал организацию, которую назвал Управлением специальных операций.

Первоначально оно было разделено на три отдела: СО-1 – для «черной пропаганды», СО-2 – для саботажа и диверсий и СО-3 – для планирования. СО-1 впоследствии переименовали в Управление политической войны, а СО-2 получил название, принадлежавшее первоначально всей организации, то есть УСО. Для краткости я буду называть их в дальнейшем УПВ и УСО, хотя некоторые описываемые события происходили до изменения наименований. СО-3 можно больше не упоминать, поскольку эта организация очень скоро потонула в бумагах собственного производства и бесславно закончила свое существование.

Я уже начал было удивляться, сколько же можно получать деньги не работая, как вдруг меня вызвал к себе Колин Габбинс. Наряду с другими обязанностями ему поручили подготовить учебную программу. Он, видимо, слышал мою фамилию в связи с неудавшимся опытом в Брикендонбери. Габбинс к концу войны стал весьма известной личностью, и мне приятно думать, что на той, первой беседе я распознал в нем человека с будущим. Все в его кабинете свидетельствовало об энергии хозяина. Говорил Габбинс кратко, дружеским, благожелательным тоном. Один мой друг прозвал Габбинса Вилли Вихрем – по имени героя популярного комикса того времени.

Габбинс начал с того, что спросил, разбираюсь ли я в политической пропаганде. Догадываясь, что Габбинс любит односложные ответы, я ответил: «Да». Затем он сообщил, что намеряется создать новое учебное заведение большого масштаба. Там будут организованы курсы для подрывников, радистов и так далее. Кроме того, Габбинс собирался создать центральные курсы для обучения общим методам саботажа и подрывной деятельности. Одним из таких методов являлась подрывная пропаганда, и Габбинс подыскивал подходящего преподавателя. Габбинс предложил мне подготовить проект программы по этому предмету. Проводив меня до двери, он сказал: «Сделайте ее покороче».

Приступив к составлению программы, я понял, что мои познания в области подрывной пропаганды оставляют желать много лучшего. У меня не было непосредственного опыта работы в современной рекламе, и я не знал ее методов, которые широко применяются в пропаганде. За несколько лет журналистской деятельности я научился лишь сообщать о происходящем, а это нередко роковая ошибка в работе пропагандиста, задача которого – убеждать. Я пытался утешить себя мыслью о том, что мир видел немало хороших пропагандистов, которые ровно ничего не смыслили в методах рекламы, скажем, таких товаров, как мыло. Однако все это было неубедительно, я взял на себя труд проконсультироваться с некоторыми своими друзьями из мира рекламы. Вскоре я набрал столько знаний об основных принципах рекламы, что мог бы прочитать об этом несколько лекций. А главное, я установил, что на работников рекламы можно полагаться лишь в двух вопросах: во-первых, когда они предостерегают вас от этого занятия и, во-вторых, когда они самым подробным образом распространяются о грязных методах своей работы.

Через несколько дней у меня в руках оказалось достаточно материала, чтобы приступить к составлению проекта программы, нужной Габбинсу. Для большей убедительности я решил привести примеры из области европейской политики, и в особенности политики фашизма. Я сжал проект до полутора страниц обыкновенной писчей бумаги и доложил Габбинсу по телефону, что документ готов. Через пять минут он позвонил мне сам, сообщив, что в тот же вечер

созывает совещание в кабинете у Чарльза Хэмбро¹² для обсуждения проекта. Это было для меня первое реальное дело в английской разведке после падения Франции.

Габбинс привел на совещание нескольких сотрудников из своего аппарата. Хэмбро приветствовал нас в свойственной ему располагающей манере, так что мы почувствовали себя непринужденно. Он взял составленную мною бумагу и зачитал ее вслух, медленно и вдумчиво. Закончив, заметил, что это разумный документ. Сотрудники Габбинса, как по команде, с серьезным видом закивали в знак согласия. У них был вид привыкших к беспрекословному повиновению военных. К моему удивлению, Габбинс весело улыбнулся. «Именно то, что я хотел, – сказал он, подчеркивая слова. – Именно то... Что вы скажете, Чарльз?» Хэмбро ничего конкретного не ответил: возможно, он думал совсем о другом. «Вот и составьте эту программу», – предложил мне Габбинс. На этом совещание закончилось.

Теперь у меня были конкретные обязанности, что давало мне право на рабочее место в учреждении Габбинса. Я стал работать не в доме номер 64, а выше по Бейкер-стрит, в сторону Риджентс-парка. Я приступил к составлению программы, расширяя свои черновые наброски до объема полных лекций. И все же я не был счастлив. Новую школу предполагалось разместить в Бьюли в Хэмпшире, далеко от Лондона. Такое расстояние очень мешало бы реализации других моих целей. Порой хотелось бросить все это дело, но меня останавливали два соображения. Во-первых, необходимо было сохранить свое положение в секретном мире, куда я получил доступ. Глупо было бы увольняться, пока не появилась ясная перспектива другой работы в этом же мире. Во-вторых, лишние знания никогда не помешают, и я ничего не потеряю, если узнаю, что делается в широко разветвленной сети учебных заведений Управления специальных операций. Я решил остаться, пока не подвернется что-нибудь более стоящее.

Я не сомневался, что руководство учебных заведений отпустит меня, когда я захочу. Я знал, что лектор из меня получится никудышный. Дело в том, что с четырехлетнего возраста у меня появилось заикание, иногда я мог с ним справиться, иногда нет. Кроме того, меня мучили сомнения относительно содержания моего лекционного курса. Перспектива говорить о политической подрывной деятельности меня не пугала. В Англии в то время было мало людей, которые сколько-нибудь разбирались в этом деле, а я все же имел небольшой опыт в этой области. Беспокоило меня крайне поверхностное знакомство с методами пропаганды. Правда, мне приходилось сочинять листовки, но я понятия не имел о том, как они печатаются.

До сбора в Бьюли еще оставалось некоторое время, и я решил восполнить пробелы в своих знаниях. Я старался как можно чаще посещать Уоуберн-Эбби, где всегда вялый Липер председательствовал на заседаниях сотрудников «черной пропаганды» в Управлении политической войны. (За четыре с лишним года Липер мало изменился. Я встретил его летом 1945 года. Он апатично бил мух в английском посольстве в Афинах, когда Греция уже начинала бурлить.) Я с удивлением отметил, что Липер способен раздражаться. Поговаривали, что у него были частые стычки с доктором Дальтоном и что добрейший доктор не раз страдал от Липера. Это отчасти подтверждается и в мемуарах самого Дальтона.

¹² Во время войны Черчилль назначал своих друзей из Сити на высокие посты в УСО и СИС, в том числе он не забыл и своего банкира Чарльза Хэмбро, который возглавлял УСО в 1942–1943 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.